

Ли Джэсок наклонился к Со Джинхёку.

— Сейчас говорил по телефону, матушка через неделю устраивает выставку.

Джэсок почесал затылок, словно ему было неловко. Со Джинхёк ответил спокойно, будто уже всё знал.

— А, я слышал.

— И ты в курсе? Каждая собака знает, что моя мать открывает галерею, и только я, родной сын, ни сном ни духом.

— Ты же не берешь трубку, когда она звонит. Слышал, ты и в родительский дом заскочил на минуточку, только чтобы показаться.

— Так она же вечно требует, чтобы я женился...

Ли Джэсок раздосадованно причмокнул. Я слушал их и из любопытства спросил:

— У вас своя галерея?

— Галерея? Ага. Мама заправляет. Сама знаешь, как это у богатых дам бывает — сплошные галереи.

«Так Ли Джэсок тоже из чеболей», — запоздало догадался я.

Он жил в дорогом для его возраста особняке, но я списывал это на заработки популярного художника. Впрочем, он ведь друг Со Джинхёка, так что вряд ли мог оказаться обычным человеком.

— Ты бывал в галереях?

— Нет.

— Отец в этот раз расщедрился. Арендовал подлинники импрессионистов из других музеев. Сейчас модно всякое медиа-искусство, но он решил по старинке.

Я не понял даже слова «импрессионист», но усердно закивал. Видимо, речь о картинах каких-то знаменитых авторов. Не хотелось выставлять напоказ свою необразованность или прерывать Ли Джэсока глупыми вопросами.

— Знаешь Гога?

Со Джинхёк, до этого молча слушавший наш разговор, подал голос. Я растерянно забегал глазами.

— Э-э...

Под их взглядами лицо начало заливать краской. Я только что сделал вид, будто всё понимаю, поэтому не хотелось признаваться в невежестве. Хотелось просто провалиться сквозь землю под пристальным взглядом Со Джинхёка.

Когда пауза затянулась, он достал телефон, что-то поискал и протянул мне.

— Вот такие работы.

Эту картину знал даже я. Прочитал название под изображением.

«Звездная ночь».

Где-то я её уже видел. В школьном учебнике или просто на улице. Неважно где, главное — я её узнал.

— Да-да. Знаю.

Наконец-то я смог улыбнуться. Со Джинхёк начал мягко объяснять. Похоже, он не пытался меня подколоть, а просто хотел просветить.

Он пролистывал экран, показывая другие картины.

— Такой стиль называют импрессионизмом. Судя по всему, им удалось заполучить несколько редких полотен, которые обычно трудно достать.

Я старательно кивал, а Ли Джэсок выглядел так, будто внезапно что-то осознал. До него явно только сейчас дошло, что на самом деле значит мое «окончил только среднюю школу». Но он, в силу своего легкого характера, тут же рассмеялся, разряжая обстановку.

— Ну да. Всё верно. Мой отец тот еще подкаблучник, ради жены на всё готов.

— Кажется, у ваших родителей прекрасные отношения.

— Ага... даже слишком. Моему младшему брату сейчас всего десять лет.

Ли Джэсок произнес это с каким-то странным выражением лица.

— И все принимают его за моего сына.

Вполне логично. Ли Джэсоку тридцать два. Если родители поженились рано, то младшего они родили, когда им было уже за сорок.

Причина его недовольства выяснилась мгновенно.

— У меня ведь есть старшие брат и сестра. Разве не логичнее подумать, что это их ребенок?

— А почему думают на вас?

— Сам не знаю.

Действительно, при наличии старших детей логичнее было бы ошибиться в их пользу.

Ли Джэсок соорил комичную мину, мол, загадка природы. Со Джинхёк лишь пренебрежительно фыркнул:

— Это потому, что ты слишком любишь женщин.

Я сразу всё понял. Я и сам видел, как часто у Ли Джэсока меняются пассии.

— Я бы даже не удивился, если бы ты завтра притащил ребенка. Если бы я сам не видел твою мать беременной, тоже решил бы, что это твой малец.

— Ой, всё, господин Правильный. Зануда.

Ли Джэсок отмахнулся и поднялся с места.

— Асель, ты закончил? Пошли. Уже поздно.

На часах было начало десятого. Я быстро встал вслед за ним. Со Джинхёк застегнул пуговицы на рубашке и поправил галстук.

Я замороженно наблюдал за ним, но тут же отвел взгляд и сделал вид, что смотрю в телефон. Чуть не расслабился при Ли Джэсоке. К счастью, никто ничего не заметил. Чтобы больше не ошибаться, я уставился в пол.

На улице Ли Джэсок и Со Джинхёк вызвали трезвых водителей. Те приехали быстро. Сев в машину, Ли Джэсок помахал мне из окна.

— Асель, завтра не приходи. Отдыхай и учись. Понял? Со Джинхёк, я погнал.

— Давай.

Ли Джэсок уехал первым. Я собирался дождаться ухода Со Джинхёка и только потом пойти домой. Время детское, транспорт еще ходит. Толпы гуляющих как раз начали стягиваться к остановкам.

Со Джинхёк на мгновение задумался, переговорил о чем-то со своим водителем и решительно подошел ко мне.

— Я поймаю вам такси.

— А...

Я и сам могу.

Опять он со мной как с маленьким. Мне двадцать один, я вполне способен вызвать машину. Я не пользуюсь такси только из экономии, а вовсе не из-за беспомощности.

Но спорить не стал.

— Хорошо.

Просто коротко согласился.

Со Джинхёк вызвал машину и не ушел, остался рядом. Я стоял на ночной улице, не отпуская этого альфу.

В городе, залитом светом фонарей, ночь совсем не казалась темной. С Ли Джэсоком было шумно и непринужденно, но вдвоем мы замолчали, словно чужие люди.

Но я дорожил даже этим молчанием. Когда я еще увижу его? Если бы Ли Джэсок не притащил меня сегодня насильно, я бы ждал новой встречи вечность.

Он такой добрый. Нашел время объяснить всё про импрессионизм и Гога тому, кто в этом ни черта не смыслит. Его доброта и нежность казались мне чем-то запредельным. Будто я положил в рот лимонную карамельку: сладко, но в то же время так кисло, что хочется плакать.

Выплюнуть бы, да не могу.

Воздух становился влажным. Липкая духота раннего лета пробиралась под футболку.

Пока рядом не было Ли Джэсока, я мог спокойно разглядывать Со Джинхёка со спины. Это всё, что мне позволялось. Я прекрасно знал свое место, чтобы не желать большего.

Такси приехало предательски быстро. Когда машина ослепила нас фарами, я встретился с ним взглядом.

— Я поеду.

Со Джинхёк пристально смотрел на меня. У меня что-то на лице? Я испуганно коснулся щеки и спросил:

— Что-то... хотите сказать?

— Нет.

Он мимоходом коснулся моего предплечья. Место касания будто пронзило разрядом тока.

— Напишите, когда доберетесь.

— ...

— Что доехали благополучно.

— ...Да, господин директор, и вы тоже.

Я вежливо поклонился, резко развернулся и прыгнул в такси. Сердце колотилось как сумасшедшее. Не хочу выдавать себя. Не хочу быть для него обузой и не хочу выглядеть в его глазах испорченным.

Хочется стать ближе, но я не знаю как.

Для меня мужчины — это математическая задача, к которой нет ответов в конце учебника. И списать не у кого. В этих односторонних отношениях на привязи только я. Мне хочется утешить мужчину, который старше меня на одиннадцать лет. Хочется заставить его улыбаться.

В зеркале заднего вида отразилось мое пунцовое, жалкое лицо. Казалось, я вот-вот разрыдаюсь.

Как только я переступил порог дома, сразу отправил Со Джинхёку сообщение. Просто написал, что доехал и чтобы он не беспокоился.

Я не хотел ждать ответа, поэтому нарочно выключил телефон. Не хотел, чтобы он видел статус «прочитано» в ту же секунду. Можно было просто не открывать чат, но для меня это слишком сложно — знать, что сообщение пришло, и не смотреть.

Быстро принял душ, кое-как подсушил волосы и лег в постель. Это был единственный способ выпустить телефон из рук. Поворочавшись, я уснул и проснулся в семь утра. С одиннадцати вечера — вполне достаточно, чтобы выспаться.

Я взял телефон и включил его. С вибрацией пришло вчерашнее сообщение.

[Молодец.]

Непонятно, за что он меня хвалит. За то, что доехал? Я несколько раз набирал ответ, мол, рано уснул и только увидел, но в итоге всё стер.

Вдруг я вспомнил про сборник стихов, который он мне подарил. Достал тонкую книжку, спрятанную среди моих вещей.

Неизвестный автор, непонятное название. Я встал, налил себе ледяного ячменного чая, выпил половину залпом, а стакан поставил у изголовья.

Лег на матрас, подперев подбородок ладонью, и начал перелистывать страницы. Черные буквы проносились перед глазами, как вагоны поезда. Я пролистывал по несколько страниц сразу, читал только концовки, потом возвращался в начало и водил пальцем по строчкам, просто разглядывая их. Читал вслух.

Ледяной чай в стакане стал теплым, на стекле выступили капли конденсата.

Чудо не случилось — от одного прочтения я не стал понимать поэзию лучше. Для меня это был просто подарок от Со Джинхёка. Когда я допивал остатки чая, брошенный на кровать телефон зазвонил.

Я машинально глянул на экран и обомлел от имени.

«Директор Со Джинхёк».

Довольно сухое имя для контакта. Едва увидев его, я тут же свайпнул кнопку ответа. И только потом вспомнил, что вчера отключал телефон, лишь бы не выглядеть навязчивым.

Все старания прахом. Тупица.

— Алло.

— Да, слушаю.

Раздался его низкий голос. Со Джинхёк всегда был само спокойствие.

— Почему вы звоните так рано?

Я тайно перевел дыхание и постарался придать голосу будничным тон. Передо мной лежал раскрытый сборник стихов. Я погладил пальцем обложку. Гладкий ламинат приятно скользил под кожей.

— Вам интересна та выставка?

— Выставка?

— О которой вчера говорил Ли Джэсок. Подумал, вдруг вы захотите сходить.

Выставка матери Ли Джэсока. Из всех картин я знал только «Звездную ночь» Ван Гога. Да и то название выучил только вчера.

Я не сразу нашелся с ответом.

Интересно мне или нет? Если бы он спросил, понравились ли мне вчерашние суши и хочу ли я еще, я бы не раздумывал. Но когда речь зашла об искусстве, я замялся. Никогда об этом не думал.

— Асель?

— Я не знаю. А там будет интересно?

Глупый вопрос, но Со Джинхёк ответил на него вполне серьезно.

— Возможно. А может и нет.

— Но вы же знаете, я в этом ничего не смыслю. И идти мне не с кем.

— Хм. Погодите минуту.

Наступила тишина. Слушать его дыхание в трубке было всё равно что слушать звук падающего снега.

Послышался шорох бумаги и приглушенные голоса. Бурчание было неразборчивым, но я понял, что Со Джинхёк с кем-то разговаривает.

Через пару минут он снова заговорил:

— У вас есть время в эти выходные?

У меня перехватило дыхание. Предвкушение мгновенно раздуло мои легкие. Я стал похож на шар, накачанный горячим воздухом.

— В субботу придет репетитор.

— Тогда давайте в воскресенье.

Нежданная удача. Стараясь скрыть восторг, я как бы невзначай переспросил:

— Вы пойдете со мной?

— Ну, раз уж я предложил.

Мне нравилось, что этот мужчина такой ответственный и правильный. Он берет на себя обязательства даже в таких мелочах, и от этого мне становилось чертовски радостно.

— Да. С удовольствием.

Я едва сдержал голос, чтобы он не сорвался на писк.

— Но выставка ведь открывается только на следующей неделе, кажется?

— Все верно. Мы пойдем до открытия, пока там нет людей.

Не знаю, как это возможно — попасть туда раньше всех, но было ясно, что он всё устроил. Чтобы он не передумал, я быстро добавил:

— Хорошо. Я сделаю все уроки к тому времени.

— Тогда до встречи.

— Пойдите.

Я окликнул его прежде, чем он нажал отбой.

Ладонь, сжимающая телефон, вспотела. Я судорожно подбираю слова, просеивая их, как зерно. Всё то, что не решился написать вчера.

«Вы хорошо добрались?»

«Голова не болела?»

Или: «Думали ли вы обо мне хоть немного?»

«Стало ли вам опять меня жалко перед сном?»

Ни одна фраза не подходила. Видя, что я молчу, Со Джинхёк поторопил меня:

— Что-то случилось?

— Нет. Забыл, что хотел сказать.

В трубке раздался короткий смешок. Словно он подумал, какой я несерьезный.

— Ладно. Отдыхайте.

— Да.

Даже после того как звонок завершился, мне казалось, что это сон. Я несколько раз проверял список вызовов. Десятиминутный разговор никуда не исчезал.

Не знаю, что изменилось в человеке, который еще вчера всеми силами старался со мной не связываться. Повлияло ли то, что я не знал про импрессионистов, или моя исповедь про сиротство сработала как утешение?

Я отогнал эти мысли. Хватит анализировать, нужно наслаждаться моментом. Такой шанс может больше не представиться.

Может, это маленькое чудо случилось потому, что я взял в руки его книгу? Я прижал раскрытый сборник к груди и поцеловал его, будто это был сам Со Джинхёк.

<http://bllate.org/book/17249/1731530>